

НЕФОРМАЛЬНОЕ ИЕРАРХИЧЕСКОЕ ДЕЛЕНИЕ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ АСОЦИАЛЬНОЙ ДЕВИАНТНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОСУЖДЕННЫХ

Л.А. Кашина,

старший преподаватель кафедры
юридических дисциплин
Байкальского гуманитарного
института

М.К. Гайдай,

профессор кафедры философии,
психологии и социально-гуманитарных
дисциплин
ФГКОУ ВПО ВСИ МВД России,
доктор социологических наук

В статье рассмотрена дифференциация тюремно-лагерного социума на примере несовершеннолетних осужденных. Неформальное иерархическое построение осужденных понимается как форма асоциальной девиантности и пенитенциарной субкультуры.

This article examines the differentiation of the prison-camp society by the example of juvenile convicts. Informal hierarchical construction of convicted persons is understood as a form of deviance and penitentiary subculture.*

Одним из наиболее ярких проявлений пенитенциарной субкультуры несовершеннолетних осужденных, девиантной по своей сути, является их неформальное иерархическое деление. «В пенитенциарных учреждениях России в среде тюремно-лагерного социума исторически и традиционно сложились четыре основных категории осужденных, именуемых «блатными», «мужиками», «опущенными» и «красными». Внутри каждой категории имеются свои группы, есть пограничные прослойки, есть и исключения, когда того или иного конкретного осужденного нельзя причислить к той или иной категории» [1]. Иерархические различия тюремно-лагерного социума определены существующей пенитенциарной субкультурой с одной стороны и являются ее проявлением с другой. «Неформальный статус лица, – пишет В.М. Анисимков – зависит от множества факторов. Во-первых, статус индивида объективно обусловлен его интеллектуальными, волевыми свойствами и организаторскими способностями. Во-вторых, субкультурными и специальными качествами лица. В-третьих, приверженностью каждого члена своей группе (благонадежностью). Место лица в групповой иерархии становится его статусной функцией, его предопределенной ролью» [2]. При этом реальные отношения между осужденными обусловлены их неформальным разделением с одной стороны, а с другой, их деление на «масти», касты

* Kashina L., Gaidai M. Informal hierarchical division as a display of anti-social convicted minors deviance.

определено существующей в этом сообществе иерархией. Наблюдается своего рода двухсторонняя зависимость.

В учреждениях для несовершеннолетних преступников также существует неформальное кастовое деление. Проанкетированные нами несовершеннолетние осужденные, отбывающие наказание в виде лишения свободы в воспитательной колонии (ВК), следующим образом выразили свое мнение по поводу существования неформального разделения их на касты (таблица 1).

Таблица 1

Результаты ответа на вопрос: «Существует ли в условиях воспитательной колонии неформальное разделение на касты (масти) и т.п.?»

№	Варианты ответов	%
1.	Да, существует	67,0
2.	Нет, не существует	16,5
3.	Затрудняюсь ответить	16,5

Как видно из таблицы подавляющее большинство – 67 % респондентов признают существование неформального кастового деления. Неформальное деление, существующее в учреждениях для несовершеннолетних в общем, аналогично иерархии сложившейся в учреждениях для взрослых. Однако есть некоторые отличия. Так, исследователь криминальной субкультуры Ю.К. Александров, говорит также о четырех основных «мастях» (группах, кастах) на которые неформально разделено сообщество несовершеннолетних осужденных. Названия этих категорий неоднозначны и могут изменяться в зависимости от региона и даже от самой воспитательной колонии. Ю.К. Александров приводит следующие четыре группы: первая: «шишки», «босяки», «отрицалы», «авторитеты», «чистые», «пацаны»; вторая: «мужики», «работяги», «черти», «чушки»; третья: «роги», «бугры», «борзые», «активисты», «красные»; четвертая: «обиженные», «зашкваренные», «помойки», «минеры», «бухгалтера», «жабы» [3]. При этом, отлична даже смысловая нагрузка некоторых каст, так «если в воспитательных колониях для несовершеннолетних статус *пацанов* приближен к статусу *мужиков* на взрослых видах режима (хотя в этой же работе приводя иерархическое деление, автор относит «пацана» в ВК к первой категории, т.е. не к «мужикам» – примечание авт.), то *пацан* на взрослом режиме – это не совсем то же, что *мужик*. *Пацаны* (а это осужденные молодежного возраста) на взрослом виде режима относятся к категории приближенных к блатным. Они исповедуют воровской закон и являются кандидатами в *бродяги*, *арестанты* и т.д.» [4].

Встречается мнение, что неформальное деление осужденных в ВК соотносимо со следующими категориями: неформальный лидер колонии; неформальный лидер отряда; неформальный лидер отделения; члены неформальных групп; нейтральные осужденные; частично деперсонализированные; полностью деперсонализированные [5]. При этом, особое отличие неформальной дифференциации приведенного иерархического построения в ВК, заключается в наличии двух последних категорий, т.е. частично деперсонализированные; полностью деперсонализированные. А точнее категории частично деперсонализированные, т.к. категория «полностью деперсонализированные» соответствует касте «отверженных» («опущенных») в исправительных учреждениях (ИУ) для взрослых преступников. Авторами отмечается, что «в воспитательных колониях встречается такая субкультурная группа, как частично деперсонализированные осужденные, так называемые несознательные «форшмаки», которая присуща только воспитательным колониям. К ним относят осужденных, употребивших «оскверненную» пищу или сигареты, не зная об их осквернении. Этот феномен получил название в подростковой среде «минирование». Минирование – это один из способов деперсонализации личности, снижения ее статуса посредством фетишей – разных предметов и действий, относимых в групповом сознании социально изолированных лиц к категории грязных и неприличных. Пища, сигарета и другие предметы оскверняются прикосновением к половым органам, испражнениям, прикосновением к полу или стене туалета, прикосновением к полностью деперсонализированным осужденным» [6]. По мнению авторов эта субкультурная группа является буферной. И при отсутствии иных нарушений неформальных норм со стороны несовершеннолетних осужденных позволяет им при переводе в исправительную колонию не попасть в группу «отверженных». Действительно подобное проявление неформальной дифференциации мы не встречали в среде взрослых осужденных или взрослых преступников. Что может быть отнесено к характерной особенности именно тюремно-лагерной субкультуры несовершеннолетних осужденных. Однако встречается эта особенность, скорее всего, не во всех ВК.

Несовершеннолетние в большинстве своем еще полностью несформировавшиеся личности, поэтому с одной стороны шансов на ограничение их вливания в пенитенциарную субкультуру больше. Но с другой стороны особенностью их психофизиологического развития является, как стремление высвободиться из-под опеки взрослых, которые кажутся им особенно в подростковом возрасте, врагами, которые их не понимают и с ними не считаются (в некоторых случаях именно это и толкает подростков на совершение порицаемого взрослыми деяния, это в том числе и желание самоутвердиться, возвысить себя в своих глазах и в

глазах ближайшего окружения), так и желание подражать сильным и смелым кумирам или лицам пользующихся у них авторитетом, нередко окутанных романтикой «зоны». Поэтому чем быстрее несовершеннолетний усваивает специфический образ жизни обитателей преступного мира, насколько быстро и тонко он способен чувствовать особенности их взаимоотношений, настолько быстро и легко он вписывается в это сообщество и приобретает в нем признание. Стоит сказать, что в этом процессе, как и вообще в преступной среде особое значение имеет фортуна, удача, судьба. Одному везет, и он удачно вписывается в сообщество осужденных. Другому не везет, и он обрекается на постоянные насмешки и издевательства. Роль судьбы, ее предзнаменований характерно и для других проявлений криминальной субкультуры. «В местах лишения свободы молодежь усваивает строгие традиции «блатной жизни». Их привлекает иллюзия независимости этого мира, подчинение ему других. Процесс пестования подрастающего поколения сложный и длительный. Нужна и теоретическая подготовка и практическая. Для стремящихся стать «истинными арестантами» устанавливается своеобразный кандидатский стаж, в течение которого молодой человек не только всесторонне обрабатывается, но и всесторонне проверяется и растлевается» [7].

Особую роль в неформальной дифференциации несовершеннолетних осужденных играет такой феномен неформальной пенитенциарной субкультуры как «прописка». По мнению Ю.К. Александрова «*прописка* на уголовном жаргоне означает процедуру принятия новичка в свои ряды. *Прописка* среди взрослых преступников встречается достаточно редко, в основном процедуру *прописки* проходят в следственных изоляторах, в камерах для несовершеннолетних» [8]. При этом, считается, что данная процедура признается представителями профессиональной преступной среды (взрослыми преступниками) проявлением «беспредела» и некоторые даже пытаются с ней бороться [9]. Как правило, процедуре «прописки» несовершеннолетние подвергаются еще в следственном изоляторе, а те, кто осужден из зала суда – по прибытии в воспитательную колонию. В разных учреждениях эта процедура проходит по-своему, аналоги ее встречаются и в некоторых детских базах отдыха, а также в интернатах, детских домах и т.п. Обычно с помощью прописки пытаются выяснить личные морально-психологические качества новичка, изучить его знание криминальной субкультуры и готовность соблюдать ее нормы. Процедура «прописки» у несовершеннолетних дает возможность определить положение вновь прибывшего, его место в неформальной иерархии, существующей в ВК. Но в среде несовершеннолетних преступников отбывающих наказание в виде лишения свободы эта процедура вполне может перерасти и в целенаправленное избиение и изощренное унижение (издевательства) с целью самоутверждения или морально-

психологического удовлетворения (когда муки другого доставляют радость) и т.д. Процедура прописки проходит с использованием т.н. «приколов» или «игрулек» – специальных заданий на которые вновь прибывший должен ответить правильно, что дает возможность проверить его знание субкультурных проявлений и сообразительность. Включаются в процедуру «прописки» и задания на выносливость и умение терпеть боль. Вот как описывается «прописка» в одной документальной повести: «Петьку подняли с кровати через час после отбоя и властным голосом приказали проследовать в бытовку. Там около десятка подростков сидели за накрытым столом. Они молча ели, пили пиво, не обращая на съездившегося мальчишку никакого внимания. Разговор начал долговязый черноволосый паренек, который, похоже, здесь руководил всем. У него не было передних зубов, отчего он шепелявил и все время сплевывал прямо на Петьку. Новичку коротко объяснили, кто в доме хозяин... как жить следует, а как не следует. Петьке утвердили кличку Клещ. Потом били. Не долго и не сильно. Так, для порядка. После этого благосклонно позволили идти спать» [10].

Анисимков В.М. отмечает, что для неформальной подростковой среды характерен авторитет, который основывается на психофизиологических особенностях индивида в системе неформальных правил, касающихся способов приобретения власти и границ ее применения: «в воспитательных колониях воспитанники вырабатывают свой «порядок клевания» вновь прибывших воспитанников. Когда в исправительном учреждении появляется «новичок», наиболее влиятельные «старожилы» стараются выяснить, какое место он занимает в субкультурной иерархии, можно ли на него положиться в критических ситуациях, нередко при этом они применяют физическую силу к прибывшему или оказывают на него психическое воздействие. В тех случаях, когда осужденный не выдерживает испытаний, он по обыкновению, уже не может занять авторитетное место, и наоборот, лица, способные постоять за себя, постепенно начинают восходить вверх по ступеням иерархической лестницы» [11].

Обычно за процедурой «прописки» следует присвоение клички. Наличие уголовной клички является еще одним проявлением девиантной по своей сути неформальной субкультуры осужденных отбывающих уголовное наказание в виде лишения свободы. Отметим, что в какой-то степени прототипом феномена существования кличек является совершенно не девиантное явление, существующее в обычном обществе как наличие псевдонима. Людям, в первую очередь занимающимся творческим трудом (писатели, художники и т.п.) присуще желание скрывать подлинное имя, покрывать себя ореолом тайны, желание выделиться среди других и т.д. К примеру, французский философ Вольтер (Мари Франсуа Аруэ), Ленин (В.И. Ульянов), Коба, Сталин (И.В.

Джугашвили), Максим Горький (А.М. Пешков) и т.д. Или наличие у известных и даже великих людей прозвища – Иван Грозный, Петр Великий, Пипин Короткий и т.п.

Кроме того клички являются атрибутом молодежной субкультуры, в различных ее проявлениях. Существуют клички и в среде несовершеннолетних осужденных к лишению свободы и содержащихся в ВК. Мнение по данному вопросу несовершеннолетних осужденных, проанкетированных нами иллюстрирует таблица 2. При этом у взрослых преступников клички также наличествуют. В общем, в местах лишения свободы под кличкой понимают «прозвище, заменяющее имя, присвоенное за физические либо психологические особенности личности, совершенные поступки или являющееся производным от имени, фамилии или отчества, отражающее в ряде случаев неформальный статус личности в субкультуре» [12]. Данные исследователи криминальной субкультуры предложили следующую классификацию кличек осужденных, рассматривая их как знаковое выражение иерархического деления: 1. В зависимости от статуса клички: элитные; престижные; нейтральные; клички-оскорбления; позорные клички. 2. По происхождению: производные от имени, фамилии, отчества; отражающие психологические особенности личности; отражающие физические особенности личности; отражающие биографические данные личности [13].

Таблица 2

Результаты ответа на вопрос анкеты:
«Присваивают ли ребята в ВК друг другу клички?»

№	Варианты ответа	%
1.	Да, клички есть у всех ребят, у одних обидные, у других престижные (хорошие).	12,5
2.	У кого-то клички есть, у кого-то нет (все зависит от человека).	42,1
3.	Кличек у ребят нет вообще. Мы обращаемся друг к другу только по имени и фамилии.	29,5
4.	Затрудняюсь ответить	15,9

Как видно из таблицы более половины опрошенных – 54,6% признают существование в среде несовершеннолетних кличек. При этом 42,1% отметили, что наличие у несовершеннолетнего клички, а также какая она – престижная или обидная во многом зависит от самого человека. От того, как он умеет общаться с другими, от его личных качеств или физических особенностей. Во время неформализованного интервью бывший воспитанник ВК так это определил: «Конечно, в некоторых случаях это зависит от самого братишки (в данном случае понятие собирательное, имеется в виду несовершеннолетний, воспитанник и т.п. – прим авт.): один ничем не примечателен, в поведении среднечек – не выделяется, не привлекает внимания, ему и кличку не дашь. А другой бывает лезет все время на рожон (ну выкалупывается там), короче не умеет вести себя нормально с пацанами, так его конечно назовет кто по прикольнее, так к нему это и приклеится. А еще бывает посмотришь на братишку так и видно – «косой», «очкарик», «децл» – ну как ты его по-другому назовешь?». 12,5% отметили, что клички есть у всех ребят, у одних обидные, у других престижные. Возможно подобный ответ дали те ребята у которых у самих есть клички и возможно их наличие им не так уж и нравится, ответив так категорично обо всех они тем самым пытались себе психологически сделать легче. Обращает на себя внимание, что почти 30% (29,5%) опрошенных отметили, что «Кличек у ребят нет вообще. Мы обращаемся друг к другу только по имени и фамилии». Конечно, с одной стороны такой вариант ответа могли дать те, у кого действительно нет клички или кто так сказать «выше этого», а с другой стороны это возможно принятие желаемого за действительное. Когда несовершеннолетнему так не мила его кличка, что он предпочел бы чтобы его называли по фамилии, или просто хочется простого человеческого общения по имени.

Отметим, что уголовные клички вообще и в среде несовершеннолетних преступников в частности – это своего рода социальный ярлык (метка) который наклеивается на конкретного человека и сопровождает его всю оставшуюся жизнь, причем не только в рамках ВК, но и за ее пределами при переходе для отбывания наказания в исправительное учреждение (ИУ) для взрослых, а нередко и при выходе на свободу. На основе таких меток несовершеннолетние обладающие оскорбительной или даже унижительной кличкой оказываются в состоянии социальной исключенности. С ними никто не разговаривает на равных, их постоянно дискриминируют и в неформальной иерархии они занимают низшее место.

Однако клички не только для социальных аутсайдеров несут негатив. Они и сами по себе, а также их присвоение даже вне стен пенитенциарного учреждения провоцирует подростков к девиантному, а порой вообще нечеловеческому поведению: «несколько подростков в возрасте от 8 до 15

лет убили двоих из-за бравады и куража, взяв за основу действия героев фильма «Бригада». Из него же приклеили себе клочки. После хладнокровно совершенного преступления печень одного убитого скормили собакам, а бедро сварили и съели, выпив перед этим по бутылке водки» [14].

Таким образом, существование неформальной иерархии среди несовершеннолетних осужденных является серьезным видом асоциальной девиантности, которое порождает и влечет за собой другие: рецидивную преступность, в том числе и в условиях воспитательной колонии, нарушения и злостные нарушения порядка отбывания наказания, пытки, издевательства, действия сексуального характера, суицид и доведение до самоубийства. Поэтому обоснованным является как теоретическое изучение данного проявления криминальной субкультуры, так и практическое применение научных знаний с целью минимизации его негативного влияния при организации жизнедеятельности пенитенциарного учреждения.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Гайдай М.К. Пенитенциарная девиантность и стратегии ее минимизации. – Улан-Удэ: Издательство Бурятского государственного университета, 2010. – С. 50.
2. Анисимков В.М. Россия в зеркале уголовных традиций тюрьмы. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2003. – С. 48.
3. Александров Ю.К. Очерки криминальной субкультуры. – М.: «Права человека», 2002. – С. 19.
4. Там же. – С. 17.
5. Корецкий Д.А., Тулегенов В.В. Криминальная субкультура и ее криминологическое значение. – СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006. – С. 142.; Трапаидзе К.З. Иерархическое построение несовершеннолетних осужденных в воспитательных колониях // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2009. – №1.
6. Корецкий Д.А., Тулегенов В.В. Указ. соч. – С. 141; Трапаидзе К.З. Указ. соч.
7. Анисимков В.М. Указ. соч. – С. 78.
8. Александров Ю.К. Указ. соч. – С. 36.
9. Корецкий Д.А., Тулегенов В.В. Указ. соч. – С. 145-148; Трапаидзе К.З. Указ. соч.
10. Николаев В.Н. Безотцовщина. Документальная повесть. – М.: СофтИздат, 2008. – С.66.
11. Анисимков В.М. Указ. соч. – С. 43-44.
12. Корецкий Д.А., Тулегенов В.В. Указ. соч. – С. 169.
13. Корецкий Д.А., Тулегенов В.В. Указ. соч. – С. 170.
14. Николаев В.Н. Указ. соч. – С. 27.

